

История ментальностей и «трудности перевода»

В.П. Булдаков, доктор исторических наук

Лет двадцать назад я никак не мог понять, какой смысл вкладывается М.С. Горбачевым в предлагаемое им «новое мышление». Не вполне понимаю до сих пор. Более того, есть подозрение, что и сам автор не мог предугадать, какую неожиданную роль сыграет его лексическая инновация.

Скорее всего, коммунистический лидер предлагал отказаться от окаменелости мысли, характерной для большинства тогдашних членов Политбюро. Но вряд ли он учитывал, что для догматиков и доктринеров из его окружения предлагаемое словосочетание звучит как оксюморон. Вероятно, не подозревал он и того, что для официальных обществоведов того времени понятие «новое мышление» таило в себе настоящую загадку — в тогдашней ментальной парадигме (а она считалась прогрессистской) всякая общественно значимая мысль должна быть новой по определению, но эта «новизна» спускалась сверху. Для большинства советских подданных эпохи «развитого социализма» предложение «мыслить по-новому», сопровождаемое заклинаниями о «перестройке», «ускорении», «обновлении социализма» и даже «революции», воспринималось либо как стандартно-бессодержательный идеологический призыв, либо как сигнал мыслить «по-своему», без оглядки на прежние авторитеты.

Результат одного лишь предложения о смене мыслительных парадигм (точнее даже об имитации этого процесса) оказался катастрофическим. Если человек, стоящий во главе «руководящей и направляющей силы», мыслит не по общепринятым, а совершенно непонятным стандартам, если «магические» действия правителя не укладываются в господствующую мыслительную парадигму, то каждый подданный вправе радеть не об общественном благе, а о самом себе. Разумеется, и ранее за «морально-политическим единством советского народа» таились разнородные, но

вполне эгоистичные устремления — в обществе виртуального достатка и тотального дефицита иного и быть не могло. Но теперь официальное единомыслие перестало быть общественной нормой, собственно мысль выскользнула из под запрета, слова и смыслы стали искать подлинное соответствие друг другу. Возникла ситуация ментально-эмоциональной вседозволенности и смысловой неразберихи. А поскольку в патерналистской (псевдопатерналистской, неопатерналистской) интеллектуальное и нравственное трудноразделимо, произошел психоментальный коллапс, в которой мы пребываем до сих пор. Слово породило революцию, причем вовсе не ту «управляемую», на которую рассчитывал экс-коммунистический лидер.

«...У многих логический вывод обращается в сильнейшее чувство, которое захватывает все существо и которое очень трудно изгнать или переделать», — писал в свое время Достоевский. Примерно это и произошло. Но у нас бывает и наоборот: эмоции обращаются в «теории». Это мы также наблюдали и можем наблюдать — в любом случае последствия катастрофичны.

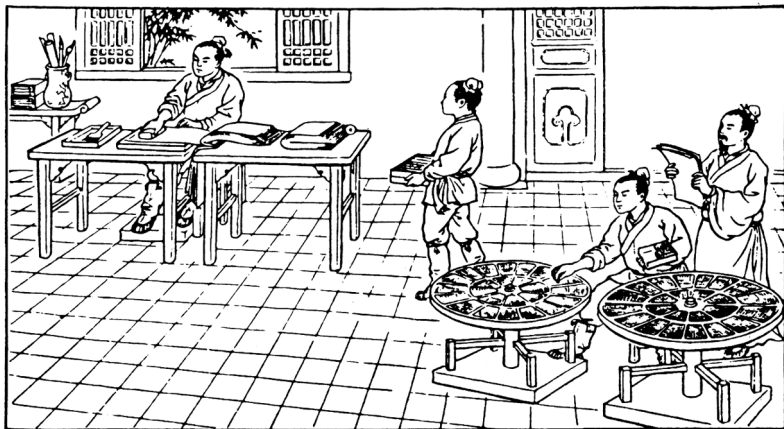
Лично у меня сама по себе идея смены ментальных эпох, производящей ценностные революции, не вызывает возражений. Правда, в видах личного исследовательского удобства я разделял лишь традиционное и современное (модерное) сознание, выделяя в первом синкретизм мировосприятия, во втором — рациональное начало. Принимать мыслительную парадигму постмодерна как исторически самостоятельный этап смены ментальностей вряд ли стоит — скорее всего, налицо лишь агония ментальности эпохи Просвещения. Что касается адекватной мыслительной реакции на кризисную синергетичность социального пространства, то лично я в доступном мне пространстве истории не наблюдал — напротив, хаосу всегда противопоставлялся наиболее примитивный тип «рациональности».

Автор предлагает довольно подробную карту ментальной истории человечества. Подозрительно, правда, то, что

чередование рефлекторного, синхронного (синкретичного?), причинно-следственного (рационального) и синергийного мышления напоминает о формационном шествии человечества в истории. Но действительно ли этот процесс носит такой же неотвратно поступательный характер, если очевидно, что информационное (и не только) пресыщение отучает человека мыслить? Или следует пребывать в уверенности, что с рефлекторного уровня мировосприятия, до которого легко может опуститься современный человек, можно, по известной аналогии «минуя промежуточные стадии», взлететь к синергийной умудренности? Как быть, если реликтовые этносы «застревают» в своей экологичной культуре, не принимая «стрелы времени»?

Несомненно, что в разные эпохи люди мыслят по-разному. Однако ментальное усложнение мира никогда не носило строго поступательного характера. Скажем, в империи (особенно российской) оно оказалось особенно «многослойно», «многоукладно» — и это независимо от того, что элиты постоянно вырываются вперед, привнося идеи, «опасные» для системы уже в силу своей «несвоевременности» и гетерогенности официальной матрице. Патерналистская система в любом случае обуславливает особо сложное взаимодействие между логикой и эмоциями. Кроме того, в кризисные времена актуализируется не столько сознание, как подсознание, не столько «передовых», как инертных социумов. Все смуты (или революции) в России давали и дают примеры подобного «разномыслия». Как должна в подобных условиях действовать власть? Какую мыслительную и ценностную парадигму предлагать?

Вернусь, однако, к тексту доклада. Лично на меня особое впечатление произвели примеры из архаичных языков, в которых отсутствует современное представление о будущем. Но что такое футурология для современного китайца, в многотысячелетней истории которого уже «все было» и даже «эпоха Мао» легко встает в династический ряд прошлой истории, а в языке будущее время (по крайней мере, в

Процесс набора с помощью подвижного деревянного шрифта.
Китай, конец XVIII в.

той форме, в какой оно имеется в европейских языках) вообще отсутствует? Не создается ли у докладчика впечатление, что его концепция применима *только* к иудейско-христианской (атлантической) цивилизации, все еще господствующей в силу технологической (а не духовной) инерции мощнейшего импульса, заданного эпохой Просвещения?

Для любого европейца, оказавшегося в Японии, весьма остро стоит проблема «трудностей перевода» — как в элементарном, так и в смысловом отношении. Нетрудно подметить, что даже блестяще образованный японец, хорошо знающий английский, пишет на нем не так, как «средний» европеец. В японском языке несколько алфавитов, три формы общения с людьми (в зависимости от социального и половозрастного статуса общающихся), существует «мужской» и «женский» языки и т. д. и т. п. При этом на бытовом уровне сохраняется масса половозрастных табу. О бытовых предубеждениях и поверьях и говорить не приходится. В общем, это отражает тот простой факт, что современная Япония — это глубоко традиционное (по европейско-либертеррианским

понятиям) общество. В силу многовековой изоляции оно «проспало» наступление «осевого времени», а потому ворвалось в современность совершенно особым способом. Очевидно, ментальные процессы в голове современного японца протекают по-другому — он оперирует иными (мета-логическими) конструкциями или мыслеобразами. Полагаю, что он мысленно создает иную, нежели европеец, картину мира, и даже на процессы глобализации он смотрит по-другому, чисто внешне принимая новые для него «правила игры». И все это несмотря на то, что даже время работы японских банков синхронизовано с работой нью-йоркской биржи.

Но мои сомнения связаны даже не с этим. Если Восток может представить динамичное соединение традиции и инновации, упрочив (а не потеряв!) собственную идентичность, то, очевидно, что естественно-исторический диалог культур превратится в пресловутое столкновение цивилизаций. Возможно, мы действительно находимся в начальной стадии этого процесса.

Правда, следует признать, современный Запад ощущает уязвимость собственного исторически-автохтонного мышления. Но это заметно, скорее, на уровне поп-культуры с ее инстинктивным уклоном в стили *fantasy* и *thriller* (можно рассматривать их и как индикатор ментального одичания) — нежели на уровне принятия решений. Напротив, «высокая» политика ориентируется на дух примитивного силового (а не культурного) гегемонизма. Лично я не улавливаю в ней следов оптимальных реакций на «ситуацию непредсказуемости».

Вернемся, однако, к отечественным баранам. Давным-давно мне приходилось выслушивать шуточные гипотезы зарубежных коллег о том, что у русских левое и правое полушария поменялись местами. Иногда я готов поверить, что в природе такое возможно. В любом случае нельзя не поражаться, до какой степени все наше современное обществоведение обращено «лицом назад». Недавняя реакция на текст Солженицына 25-летней давности о Февральской революции — лишнее тому подтверждение. Понятно, что это была чисто политическая

PR-акция, но втянуты в нее на общественно значимом уровне оказались вовсе не историки (которым по определению надо «предсказывать назад»), а политики и представители творческой элиты. Как известно, некоторые мыслители считают, что в будущее в принципе надо «двигаться затылком», или постоянно оглядываясь назад. Вероятно, это справедливо как общий принцип. Однако слишком многие наши современники, включая политологов, настолько специфично поглощены прошлым, что это напоминает процедуру изгнания «бесов истории» и ничего более. Очевидно, они полагают, что после этого будущее придет само собой — отсюда заклинания о том, что пока Мавзолей не будет стерт с лица земли, благополучия в России не видать как своих ушей. Спрашивается, из какой области истории ментальностей сей феномен? И вообще как будут смотреться хорошо известные по истории и современности наплывы общественной паранойи на предложенной шкале поступательного движения ментальностей?

Нынешнее российское (и не только) информационное пространство в полном смысле слова пронизано каким-то архаичным исступлением. Докладчик нарисовал впечатляющую картину психоментальной атмосферы доисторического общества: чрезмерная рефлекторность сознания, сопровождаемая постоянными провалами памяти, дефицитом «больших смыслов», заполняемых текучими фантазиями и неизбежной при таком состоянии ума бессвязностью бытия... Для тогдашнего человека мир представлялся ступком inferнальной нечисти, которую можно одолеть лишь уподобившись ей. Спрашивается, разве подобная разорванность бытия всевозможными страхами не изоморфна совокупной ежедневной TV-картине? Или взять Интернет, где в режиме on line ведется общение существ, в принципе не способных разговаривать на связном русском языке — они утратили владение обыкновенным нарративом. При этом транслируются и ретранслируются не смыслы, не тексты и даже не связные эмоции — идет передача рефлекторных реминисценций, ибо настоящее для них, как и для дикаря,

является «актуальным прошлым». Получается, что современного российского человека с помощью новейших технических средств то ли переделывают в настоящего троглодита, то ли он сам опускается на этот уровень и упивается своим «свободным» превозданно диким состоянием.

Из собственного опыта мне известно как делаются talk-show на историческую тему на современном российском телевидении. Если в ходе записываемой дискуссии намечилось некое движение к ясности, то при монтаже эта тенденция будет непременно затуманена — иначе телезрителю «не интересно». Если автор документального телефильма проигнорирует тему «грязного белья» или «клубнички» своих героев или антигероев, не видать ему новейшего мерила востребованности и успеха — пресловутого рейтинга. Спрашивается, что это: обыкновенная «дурь времени», «высокая политика» или, может быть, начальная стадия освоения синергийного мышления?

Оболваненного медийным диктатом современного российского человека не знаешь как назвать: это не подданный, не гражданин, а некая социальная монада, ведущая чисто рефлекторный образ жизни. Можно ли этим существом управлять? Как управлять социальной протоплазмой из подобных существ? Что может получиться из опыта такого управления?

Строго говоря, к опыту тотального управления обществом в России уже попытались перейти, начиная с 1920-х гг., с помощью всеобщей грамотности, особых ритуалов, радио и т. п. Информационное пространство резко уплотнилось, внутренняя агрессивность по-прежнему архаичного общества чудовищно возросла. В данном случае оставим в стороне вопрос о том, насколько сознательно был проделан этот эксперимент. Очевидно, однако, что любая попытка «внедрить единомыслие» может вызвать к жизни совершенно неожиданные побочные результаты.

Нет сомнения, что нынешнему этапу мировой турбулентности должен соответствовать именно синергийный тип мышления. Но это чисто теоретически. А существовал ли

таковой тип принятия решений в действительности? Возможен ли он вообще, если исторически человек только и делал, что упрощал реальную картину мира ради принятия «рациональных» решений?

Перефразируя Пушкина, современный политик обязан предугадать, чем его слово отзовется. Если такое допустимо в принципе, то это может быть осуществлено только на интуитивном, а не на чисто ментальном уровне. А это значит, что в политики — точнее в лидеры, принимающие «окончательное решение» — надо отмобилизовать преимущественно «правополушарных» особей. Где их взять, если даже в демократических странах вертикальная мобилизация начинается осуществляться по столь знакомому нам принципу «отрицательной селекции»?

Нельзя не согласиться, что ныне перед нами возник гротескный образ диффузного мира, где конфессии размываются сектами, политика замещается политтехнологиями, экономика — финансовыми махинациями, а культура — индустрией грез и иллюзий. Но, должен заметить, что мне уже встречались сетования на погружение «в эпоху, когда все сдвинуто в мире, нет устоев, нет чувства тяжести, мы не знаем, где верх и низ». Было сказано, что теперь «надо с закрытыми глазами, как слепому, внутри себя нащупать те тяготения, те точки опоры, которые ускользнули в мире внешнем». Прочитированные слова принадлежат М. Волошину, написаны они были в 1917 г. С тех пор социально-антропологические «точки опоры» так и не были найдены, а вместо «человека-суверена» мы создавали «социалистическую демократию», в теперь принялись строить «суверенную демократию». Остается только удивляться настолько легко в России находится формула власти и как трудно найти путь к воспитанию человека, независимого по отношению к сложившимся структурам земной власти. Да и вообще проблемы идеала давно нет, есть проблема путей приближения к нему.